

В.А. Азаров

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Россия, Омск

e-mail: kafprokrim@mail.ru

Современные проблемы уголовно-процессуальной идеологии России

Аннотация. Введение. Обосновывается зависимость содержания идеологии и методологических положений уголовно-процессуального законодательства от факта наличия адекватной менталитету и психотипу российской нации государственной идеологии. Прогнозируется отмена конституционного запрета наличия в стране государственной идеологии, в связи с внесением в Основной закон поправок, утвердивших традиционные российские духовные, культурные и нравственные ценности. **Цель** настоящей статьи состоит в обосновании вывода о необходимости утверждения в России национальной государственной идеологии и замены, на этой основе, искусственно привнесенной в сферу деятельности органов уголовной юстиции (и - в УПК Российской Федерации) чуждой нам западной либеральной системы взглядов, идей и доктринальных концептов. **Содержание и результаты исследования.** Выявлены причины неудавшейся попытки прозападно ориентированных политических кругов России «развернуть» уголовный процесс» страны в сторону его англосаксонских аналогов. Установлен и подвергнут анализу главный программный источник, послуживший катализатором тихой и циничной замены в УПК Российской Федерации традиционной уголовно-процессуальной идеологии - на чуждую, диссонирующую с исторически сложившейся инфраструктурой уголовного судопроизводства. Оценена внедренная в действующий УПК РФ система целеполагания, дезориентирующая властных субъектов уголовного процесса и не отражающая существо государственных задач в сфере деятельности органов уголовной юстиции. Предложены конкретные направления оздоровления правовых институтов защиты потерпевших от преступлений, с целью повышения эффективности работы органов уголовного судопроизводства по обеспечению их доступа к правосудию и наиболее полной компенсации причиненного ущерба. **Заключение.** Требуется политическая воля руководства страны на организацию изменения ст. 13 Конституции Российской Федерации и снятие запрета наличие государственной идеологии. Это тем более логично, что первый шаг в данном направлении уже сделан внесением в Основной закон поправок и дополнений, связанных с утверждением в стране традиционных духовных, культурных и семейных ценностей.

Остро необходимо устранить противоречие между искусственно привнесенной в УПК РФ западной либеральной идеологией и сохранившейся в своей основе, «выдержавшей» этот удар традиционной инфраструктурой уголовного судопроизводства, основанной на канонах континентальной системы права, учитывающей смешанный характер и типологию уголовного процесса России.

Ключевые слова: идеология; уголовное судопроизводство; целеполагание; система ценностей; защита потерпевших от преступлений.

В.А. Азаров

Ф. М. Достоевский атындағы Омск мемлекеттік университеті

Россия, Омск

e-mail: kafprokrim@mail.ru

Ресейдің қылмыстық іс жүргізу идеологиясының қазіргі мәселелері

Аннотация. Кіріспе. Қылмыстық іс жүргізу заңнамасының идеологиясы мен әдіснамалық ережелерінің мазмұнының Ресей ұлтының мемлекеттік идеологиясының менталитеті мен психотипіне сәйкес келу фактісіне тәуелділігі негізделген. Дәстүрлі ресейлік рухани, мәдени және адамгершілік құндылықтарды бекіткен түзетулердің негізгі заңға енгізілуіне байланысты елде мемлекеттік идеологияның болуына Конституциялық тыйымның күшін жою болжануда. Осы баптың мақсаты - Ресейде ұлттық мемлекеттік идеологияны бекіту және осы негізде қылмыстық әділет органдарының (және-Ресей Федерациясының ҚДЖК) қызмет саласына жасанды түрде енгізілген Батыс либералды көзқарастар, идеялар мен доктриналық тұжырымдамалар жүйесін ауыстыру қажеттілігі туралы қорытындыны негіздеу. **Зерттеудің мазмұны мен нәтижелері.** Ресейдің батысқа бағытталған саяси топтарының елдің англо-саксондық әріптестеріне "қылмыстық процесті" өрістетуге " сәтсіз әрекетінің себептері анықталды. Ресей Федерациясының Қылмыстық іс жүргізу кодексіндегі дәстүрлі қылмыстық іс жүргізу идеологиясын жат, тарихи қалыптасқан қылмыстық іс жүргізу инфрақұрылымымен диссонанс тудыратын тыйын және циникалық ауыстырудың катализаторы болған негізгі бағдарламалық дереккөз орнатылды және талданды. Ресей Федерациясының қолданыстағы қылмыстық іс жүргізу кодексіне енгізілген, қылмыстық процестің билік субъектілерін дезориентациялайтын және қылмыстық әділет органдарының қызметі саласындағы мемлекеттік міндеттердің мәнін көрсетпейтін мақсат қою жүйесі бағаланды. Қылмыстық сот ісін

жүргізу органдарының олардың сот төрелігіне қол жеткізуін қамтамасыз ету және келтірілген залалды барынша толық өтеу жөніндегі жұмысының тиімділігін арттыру мақсатында жәбірленушілерді қылмыстардан қорғаудың құқықтық институттарын сауықтырудың нақты бағыттары ұсынылды. **Қорытынды.** Ресей Федерациясы Конституциясының 13-бабының өзгеруін ұйымдастыруға және мемлекеттік идеологияның болуына тыйым салуды алып тастауға ел басшылығының саяси еркі қажет. Бұл бағыттағы алғашқы қадам елдегі дәстүрлі рухани, мәдени және отбасылық құндылықтарды бекітуге байланысты түзетулер мен толықтырулардың негізгі заңына енгізу арқылы жасалғаны қисынды. Ресей Федерациясының Қылмыстық кодексіне жасанды түрде енгізілген Батыс либералды идеологиясы мен оның негізінде сақталған, Ресейдің қылмыстық процесінің аралас сипаты мен типологиясын ескеретін континенттік құқық жүйесінің канондарына негізделген дәстүрлі қылмыстық іс жүргізу инфрақұрылымы арасындағы қайшылықты жою қажет.

Түйінді сөздер: идеология; қылмыстық іс жүргізу; мақсат қою; құндылықтар жүйесі; жәбірленушілерді қылмыстан қорғау.

V.A. Azarov
Dostoevsky Omsk State Universit
Omsk, Russia
e-mail: kafprokrim@mail.ru

Modern problems of the criminal procedural ideology of Russia

Introduction. The dependence of the content of ideology and methodological provisions of criminal procedure legislation on the fact of the presence of a state ideology adequate to the mentality and psychotype of Russian science is substantiated. It is predicted that the constitutional ban on the presence of state ideology in the country will be lifted in connection with the introduction of amendments to the Basic Law that affirm traditional Russian spiritual, cultural and moral values. **The purpose** of this article is to substantiate the conclusion about the need for a national state ideology in Russia and to replace, on this basis, the Western liberal system of views, ideas and doctrinal concepts artificially introduced into the sphere of activity of the organ criminal justice (and in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation) that is alien to us. **Contents and results of the study.** The reasons for the failed attempt of pro-Western political circles in Russia to “expand” the country’s criminal process towards its Anglo-Saxon counterparts are identified. The main program source, which served as a catalyst for the quiet and cynical replacement in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of the traditional criminal procedural ideology - with an alien one, dissonant with the historically established infrastructure of criminal proceedings, has been identified and analyzed. reflecting the essence of state tasks in the sphere of activity of criminal justice bodies. Specific directions for improving the legal institutions for the protection of victims of crime are proposed in order to increase the efficiency of the criminal justice authorities in ensuring their access to justice and the most complete compensation for the damage caused. **Conclusion.** The political will of the country's leadership is required to organize changes to Art. 13 of the Constitution of the Russian Federation and lifting the ban on the presence of state ideology. This is all the more logical since the first step in this direction has already been made by introducing amendments and additions to the Basic Law related to the establishment of traditional spiritual, cultural and family values in the country. It is urgently necessary to eliminate the contradiction between the Western liberal ideology artificially introduced into the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the traditional infrastructure of criminal proceedings that has remained at its core and “withstood” this blow, based on the canons of the continental system of law, taking into account the mixed nature and typology of the criminal process in Russia.

Key words: ideology; criminal proceedings; goal setting; value system; protection of victims from crimes.

1. Введение

Из постановки проблемы, вынесенной в наименование статьи, полагаем, очевидно, что в ней речь должна идти о сердцевине уголовно-процессуальной политики в Российской Федерации, то есть, о воплощенной в одноименном законодательстве **совокупности идей, взглядов и преставлений, методологически определяющих инфраструктуру, архитектонику и институциональные основы деятельности органов уголовной юстиции.** Однако, при здравом подходе к

изучению состояния и перспектив оздоровления уголовно-процессуальной идеологии (а в этом, с нашей точки зрения, есть острейшая потребность) выясняется, что избранный нами предмет исследования является «всего лишь» **феноменом, производным от явления более общего порядка.** Имеется в виду, конечно же, идеология, способная цементировать все или большинство страт, социальных слоев и групп многонационального, поликонфессионального российского общества. А уж здесь то нет и не может быть никакой альтернативы

общенациональной государственной идеологии.

Вместе с тем, не только юристам, но и широкому кругу образованных людей известно, что ст.13 Конституции Российской Федерации установила императивное правило, согласно которому «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. В Российской Федерации, - сказано далее, в ч.3 ст. 13 Основного закона, - признаются политическое многообразие, многопартийность». Этот конституционный запрет наличия в стране государственной идеологии, сознательно помещенный в Основной закон, создает идеальные условия для искусственного размежевания (и даже - противопоставления) исторически сложившихся социальных слоев и групп населения - по самым разным (национальным, духовным, конфессиональным, политическим и др.) признакам. Характерно, в этой связи, то, что Конституция Российской Федерации была «спешно» принята через два месяца после осеннего (1993 года) конституционного кризиса, сопровождавшегося разгоном исполнительной властью Съезда народных депутатов страны и расстрелом из танков его «штаб-квартиры», о чем, кстати, сторонники прозападного вектора развития страны (и всего внутригосударственного законодательства, включая уголовно-процессуальное) сегодня «стесняются» вспоминать.

Квалифицируя принятие в тот исторический период действующей Конституции России, как **завершающий**

этап катастрофы нашего отечественного конституционализма, очень точные оценки по этому поводу высказал профессор С. Н. Бабурин: «Конечно, это государственный переворот и вооруженный мятеж осенью 1993 г. Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина. Принципиально значимый и опасный прецедент антиправовой отмены Конституции России, расстрела законно избранного парламента из танков, приостановления деятельности Конституционного Суда Российской Федерации, противозаконной ликвидации всей системы Советов народных депутатов. И, как венец беззакония, - неправомерное «принятие» новой Конституции Российской Федерации» [1, с. 10].

Добавим к этим совершенно адекватным оценкам: с принятием Конституции РФ произошло **сознательное лишение российского народа традиционной платформы для сплочения и объединения** - в виде попытки разрушения национальной идеи путем запрета установления общегосударственной идеологии, исторически впитавшей в себя традиционные духовные, культурные, нравственные ценности¹. То есть, иначе говоря, ст. 13 Основного закона фиксирует **умышленную и целенаправленную попытку уничтожения цивилизационного кода Российской нации**.

В этой связи вряд ли можно согласиться с А. И. Александровым, признавшим, при анализе содержания ст.13 Конституции России **«ошибкой»** отрицание государственной идеологии [2, с. 5]. Это не ошибка, а осознанное решение

---

¹ С этих позиций следует приветствовать появление (по нашим оценкам - запоздавшего лет на двадцать) Указа Президента Российской Федерации В.В. Путина от 9 ноября 2022 г. №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Сам этот факт оценивается однозначно положительно, хотя, ознакомление с указом демонстрирует декларативность и «половинчатость»

отдельных его положений, но это тема для отдельного разговора. См.: Указ Президента Российской Федерации от 9.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // [Электронный ресурс].

– URL: <https://www.kremlin.ru/akts/bank/48502>

разработчиков нашего Основного закона, пожелавших под предлогом лишения идейных основ функционирования правящей коммунистической партии, не допустить восстановления разрушенного их единомышленниками государства. И вместе с тем, А. И. Александров прав, считая, что необходимость государственной «интегрирующей» общество идеологии особенно актуализируется в эпохи цивилизационных разломов, когда терпят крах прежние системы ценностей... произошло не просто крушение коммунистической идеологии, являющейся основой прежней государственности, а разрушение былой основы самоидентификации социума, в результате чего обществом было утрачено представление о самом себе, перспективах своего развития и о своем месте в происходящих в мировом сообществе процессах» [2, с. 33–34].

Действительно, провозглашенное в Конституции РФ «идеологическое многообразие» является, по меткому выражению А.И. Овчинникова, «моральным анахронизмом», при том, что государство безусловно обязано (хотя бы - с целью самосохранения! - В.А.) иметь совершенно определенную позицию по отношению к духовно-нравственным ценностям, составляющим в России национальную идею. При этом, с точки зрения А. И. Овчинникова, в нормальном, «здоровом» государстве идеология может быть только имперской, а в России ядро государственной идеологии должны составлять ценности православного христианства [3, с. 84–89].

Эти оценки А. И. Овчинникова исключительно актуальны именно сегодня, после 24 февраля 2022 года, когда весь западный мир с его безумными глобалистскими идеями «толерантности, мультикультурализма, являющейся химерой - их современной «демократии», активного разрушения семейных устоев, демонстративной **государственной** пропагандой ЛГБТ, забвения исторической памяти, «псевдоревизии истории», и т.п., поставил себе целью уничтожение нашей страны и тысячелетней русской

цивилизации. Поистине, стоит еще раз положительно отметить появление осенью 2022 г. (наконец-то, хотя и с многолетним опозданием) упомянутого нами Указа Президента РФ В. В. Путина «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», в котором имеются совершенно определенные подтверждения вышеприведенным оценкам.

Государство не может обходиться без собственной идеологии, которая нужна ему хотя бы для объяснения цели и смысла своего существования и собственного права управлять обществом [4, с. 539].

Именно усилиями сторонников прозападного вектора развития системы уголовной юстиции России, ровно за два года до вышеприведенных трагических событий, была разработана Концепция судебной реформы в Российской Федерации (далее - Концепция судебной реформы) [5], послужившая идеологическим фундаментом действующего УПК Российской Федерации, о чем мы писали достаточно обстоятельно [6, 7, 8].

Упомянутый документ, одобренный парламентом России, предложил программу кардинальной смены парадигмы развития системы уголовной юстиции, открыв для ориентированных на запад политических кругов возможность ее разворота в сторону англо-саксонских аналогов.

2. Методология

Для адекватной интерпретации и правильного понимания идеологических основ российского уголовного процесса а также их влияния на формирование его инфраструктуры и выявления **действительных приоритетов** институциональной характеристики данного феномена нами использовались методы анализа и синтеза, диалектической логики, сравнительно-исторический, формально-юридический.

3. Содержание и результаты исследования

В советский период новейшей

российской истории государственной являлась идеология правящей партии, что само по себе выстраивало систему приоритетов, а затем и - целеполагания, в том числе - в сфере деятельности органов уголовной юстиции. На определенном этапе исторического развития страны (70-е - 80-е годы прошлого столетия) в силу разных причин², эта идеология начала проявлять свою несостоятельность, что во многом способствовало развалу страны и революционной смене государственного и общественного строя, породившей кардинальные изменения шкалы социальных ценностей во всех сферах жизнедеятельности государства и общества. Не явилась исключением и область работы системы уголовной юстиции.

Авторы Концепции судебной реформы включили в этот документ самостоятельный раздел, поименованный: «Идеологизация юстиции», в котором сформулирован вывод о якобы необходимости деполитизации и деидеологизации уголовной юстиции. Разработчики при этом утверждали, что юстиция в правовом государстве, является «самостоятельной силой, **выражающей интересы права**» (выделено нами - В.А.) [5, с. 18–19]. Это лукавое утверждение является сознательной попыткой «навести тень на плетень», поскольку общеизвестно, что уголовная юстиция не может быть вне политики, она по определению не способна «выражать интересы права», поскольку само право всегда служит средством выражения и защиты чьих-то интересов. Уголовно-процессуальное право, с нашей точки зрения, призвано защищать в сфере (и - посредством!) деятельности органов уголовной юстиции интересы личности, общества и государства.

Именно такой аксиологический ряд выстроен в Конституции РФ,

провозгласившей в ст.2 права и свободы человека высшей ценностью. Последнее утверждение, кстати, не бесспорно, поскольку данная установка **во-первых**, не вписывается в концепцию традиционных российских ценностей (см. упомянутый Указ Президента РФ), создавая мощную базу для обоснования гипертрофического отношения к данному явлению, о чем очень убедительно писал В. Т. Томин [9, с. 54–60], а **во-вторых**, формирует условия для оценки «по остаточному принципу» - общественных и государственных интересов.

Под прикрытием же лозунга о необходимости «деполитизации уголовной юстиции» авторы рассчитывали провести, по сути, именно **политическое решение** - о замене исторически сложившегося в России континентального (смешанного) уголовного процесса на, как они полагали, «более цивилизованный» - состязательный, свойственный, по их мнению, «прогрессивным странам с правовым и демократическим режимом» [8, с. 10–11].

Революционная смена государственного и общественного строя России породила, во многом - под внешним воздействием, изменение шкалы социальных ценностей, и на этом фоне модным стал крайне сомнительный тезис о необходимости «деидеологизации» уголовной юстиции и соответствующего федерального законодательства. Под этим «флагом» был создан действующий УПК РФ, по нашему мнению, значительно более идеологизированный, нежели его предшественник. Анализ и осмысление методологии, на которой базируется УПК РФ, однозначно приводит к выводу: его фундаментом служит идеология либерального толка, чуждая российскому обществу и менталитету. Эта идеология, отторгаемая абсолютным большинством населения страны, защищая интересы

высших эшелонов партийной и государственной номенклатуры, серьезной и последовательной «работе» по развалу партии и государства со стороны наших западных «партнеров» и т.д.

² Эти причины состояли в разрыве отдельных догматов коммунистической идеологии и жизненных реалий, неспособности высшего руководства КПСС к модернизации отдельных «застывших» сегментов идеологии, в прямом предательстве интересов страны и «двурушничестве» некоторых представителей

крайне узкой группы людей, многократно продемонстрировала свою ущербность, и даже - вредность в экономике, политике и социальной жизни, но именно ей было отдано предпочтение при формировании концепции УПК РФ.

Таким образом, вместо объявленной деидеологизации сферы уголовной юстиции и соответствующего законодательства, с принятием УПК РФ здесь произошла «тихая», но откровенная и циничная **замена идеологии**. Печально известный лозунг «меньше государства в экономике и политике» был навязан сфере деятельности органов уголовной юстиции. Искусственная либерализация уголовно-процессуального законодательства резко ослабила позиции государства в области противодействия преступности. Задача борьбы с преступностью была объявлена вульгарной идеей, взамен УПК РФ предложил совершенно «размытые», аморфные задачи, дезориентирующие органы, ведущие уголовный процесс [8, с. 12].

«Досталось» от «либерал-реформаторов» и другим канонам, составлявшим исторически сформированные методологические основы отечественного уголовного судопроизводства. Это, вслед за эфемерными задачами, и «перетряска» системы принципов уголовного процесса, с изъятием из нее публичности, равенства всех перед законом и судом, всесторонности, полноты и объективности исследования значимых обстоятельств, и даже - независимости судей и подчинения их только закону, и гипертрофированная подача его состязательности, возведенной в ранг «суперпринципа», и причисление следователя к отряду органов, представляющих сторону обвинения, с одновременным фактическим лишением его процессуальной самостоятельности, и «удаление» истины, как традиционной цели доказывания и многое другое.

«Взамен» УПК РФ насыщался западными (главным образом - англосаксонскими) «конструктами и концептами». Суд присяжных (институт, умирающий во всем мире), объявлен

«флагом» судебной реформы, введен особый порядок судебного разбирательства, защитник, вопреки здравому смыслу и содержанию ст. ст. 46, 47, 49 УПК РФ, «проник» в стадию возбуждения уголовного дела, его же наделили (благо, что - негодным) правом «собирать доказательства» (ст.86 УПК РФ) и т.д.

Каждое из этих «новшеств», идеологически чуждых отечественному уголовному судопроизводству, «достойно» отдельного осмысления и оценки. Мы же пока что остановимся на анализе современной системы целеполагания, привнесенной в УПК РФ его создателями. Здесь нельзя не согласиться с И.Г. Смирновой, заметившей, что «адекватное формулирование целевых установок уголовного судопроизводства следует признать необходимой предпосылкой его эффективности» [10, с. 152].

Именно задачам уголовного процесса посвящена ст.6 УПК РФ. Ознакомление с ее содержанием позволяет положительно оценить исключительно только лишь п.1 ч.1 названной статьи, чего не скажешь об остальных ее положениях. Следует, в частности, приветствовать решение законодателя, наконец-то отдавшего приоритет «защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений». В абсолютном большинстве случаев в ранге потерпевшего от преступления выступает добропорядочный и законопослушный гражданин, который, вместе с «организациями» (в т.ч. - юридическими лицами) исправно платит налоги государству, ожидая защиты в случаях совершения в отношении него (них) преступлений. Такие ожидания граждан и организаций, пострадавших от преступлений, продиктованы обращением к предписаниям ст.52 Конституции РФ, где сказано, что «права потерпевших от преступлений ... охраняются законом. **Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба**» (выделено нами - В.А.). Наш акцент на заключительной части упомянутой статьи **связан с ее абсолютной**

декларативностью, которая подтверждается следующим.

Для того, чтобы реализовать свое право на «доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба», потерпевший от преступления (физическое, юридическое лицо или организация - через своего представителя) обязан предъявить при производстве по уголовному делу гражданский иск, как сказано в ч.1 ст.44 УПК РФ. А вот здесь то, даже в случае принятия следователем или судом решения о признании потерпевшего гражданским истцом, его «поджидают» неприятные сюрпризы. Выясняется, что в УПК РФ (а вслед за этим - в решениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации) резко «съезживается» правовое поле для охраны прав потерпевших от преступлений, а «государственное обеспечение компенсации причиненного преступлением ущерба» становится весьма избирательным, и даже - затруднительным. В ч.1 ст.44 УПК РФ указано, что потерпевший признается гражданским истцом тогда, когда есть основания полагать, «что данный вред причинен ему **непосредственно** (выделено нами - В.А. преступлением)». Но ведь практике известны случаи, когда совершенное преступление причиняет существенный вред потерпевшим «опосредованно». Это происходит, тогда, когда, скажем, в уголовном деле встают вопросы о взыскании алиментов на ребенка, родившегося в результате изнасилования потерпевшей, или о компенсациях средств, затраченных на лечение потерпевшего от умышленных (а порой - и преступно неосторожных) действий обвиняемого, о возмещении расходов на погребение, или затрат, понесенных потерпевшим в связи с участием в производстве предварительного расследования и т.д.

Все перечисленные материальные потери потерпевшего связаны с фактом совершения в отношении него преступления, но, с точки зрения

буквального толкования ч.1 ст.44 УПК РФ, они лишь «вытекают» из этого факта, а причинная связь между совершенным преступлением и наступившими в этих случаях для потерпевшего неблагоприятными последствиями имеет не прямой, а «опосредованный» характер. Это лишает потерпевшего от преступления права заявить в уголовном процессе гражданский иск и получить от государства помощь и содействие в скорейшей компенсации понесенных в связи с преступлением потерь и затрат. То есть ч.1 ст.44 УПК РФ необоснованно «сужает» поле действия предписаний как ч.1 ст.6 УПК РФ, так и ст.52 Конституции РФ, существенно добавляя последней декларативности. Потерпевший, получивший от следователя или суда отказ в принятии его претензий на компенсации в перечисленных случаях, вынужден идти «глотать пыль» в гражданский суд, уплатить соответствующую пошлину, указать в иске конкретного ответчика и самостоятельно доказывать размеры своих потерь, обоснованность материальных притязаний к конкретному обидчику и т.д. Все эти вопросы в уголовном деле решает от имени государства его полномочный представитель - дознаватель или следователь. А когда уголовное дело рассматривается в суде, то с учетом п.4 ч.1 ст.73 УПК РФ бремя доказывания и размера причиненного преступлением имущественного вреда лежит на государственном обвинителе.

Также «избирательно» подходит к определению предмета и пределов гражданского иска потерпевшего в уголовном деле и Пленум Верховного Суда РФ, регламентировавший уголовным судам оставлять без рассмотрения вышеперечисленные претензии потерпевших, «отправляя» их тем самым в сферу гражданского судопроизводства³.

Здесь стоит отметить, что в проекте УПК РФ, обсужденном и одобренном в первом чтении Государственной Думой в

³ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ №23 от 13 октября 2020 г. «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» //

[Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/law/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-13102020/>

1997 году все эти вопросы - о компенсациях потерпевшему расходов и потерь, связанных с фактом совершения в отношении него преступления, были решены положительно. Более того, в том проекте кодекса существовала самостоятельная глава 16^а, поименованная: «Гражданский иск в уголовном деле», включавшая 10 статей, регулировавших все вопросы «доступа потерпевших к правосудию и компенсации им причиненного ущерба». А в ч.1 ст.132 данного проекта УПК РФ, названной: «Гражданские иски, рассматриваемые в уголовном процессе», было сказано: «в уголовном процессе рассматриваются гражданские иски физических и юридических лиц о возмещении морального и имущественного вреда, **причиненного непосредственно преступлением** (выделено нами - В.А.) или общественно опасным деянием невиняемого (которые, кстати, сегодня, исходя из смысла ч.1 ст.44 УПК РФ тоже «отправляются» в гражданский суд - В.А.), **а также** (выделено нами - В.А.) о возмещении расходов на погребение, лечение потерпевшего, сумм, выплаченных ему в качестве страхового возмещения, пособия или пенсии, а также расходов, понесенных в связи с участием в производстве предварительного расследования и в суде, включая расходы на представительство».

Разработчики действующего УПК РФ, руководствуясь, скорее всего, стремлениями «процессуальной экономии» пошли по другому пути, отвергнув описанный вариант, который, кстати, основывался на существующей в стране следственной и судебной практике учета и рассмотрения в уголовном процессе гораздо более широкого диапазона гражданских исков, включая регрессные и связанные с фактом преступления опосредованно. Поэтому ответ на вопрос о том, какой из сравниваемых вариантов уголовно-процессуальных норм, действительно обеспечивает потерпевшим от преступлений реальный «доступ к правосудию и компенсацию причиненного вреда», мы оставим на совести создателей

действующего УПК РФ.

В силу сказанного очевидно, что содержание ч.1 ст.44 УПК РФ, и руководящие указания Пленума Верховного Суда РФ, прямо противоречат предписаниям ч.1 ст.6, а также ст.21, 29, 73 УПК РФ, возлагающим на дознавателя, следователя, прокурора и суд обязанности защитить права и законные интересы потерпевших от преступлений, установить характер и размеры вреда, причиненного преступлением и принять меры (исчерпывающие, а не «половинчатые») к его возмещению. Точно также, как и ч.1 ст.44 УПК РФ, будучи нормой частного характера, произвольно сужая правовое поле защиты прав и законных интересов потерпевших, противоречит ст.ст.6, 21, 29 УПК РФ, имеющим общий, принципиальный статус, так и в целом - сегодняшняя «схема» УПК РФ, касающаяся государственного обеспечения доступа потерпевших от преступлений к правосудию и компенсацию причиненного им ущерба, диссонирует со ст.52 Конституции РФ, усиливая декларативность ее установлений.

Есть и еще один аспект защиты имущественных прав и законных интересов потерпевших от преступлений, о котором исследователи данного вопроса вспоминают редко. В России, согласно данным уголовной статистики, ежегодно остаются нераскрытыми сотни тысяч преступлений. В том числе - имущественных, да и других, где потерпевшие понесли материальный, физический или моральный ущерб. Государство несет здесь прямую ответственность за ненадлежащую защиту от преступлений своих граждан и организаций. И уж, коль скоро государство заявилось в ст.52 Основного Закона о своей обязанности обеспечить потерпевшим компенсацию причиненного ущерба, то эта обязанность распространяется на вышеназванные случаи, что вполне логично. «На заре» формирования правовых основ современной России, 24 декабря 1990 г. Верховный Совет РСФСР принял «Закон о собственности в РСФСР», где в ст.30 было сказано: «Ущерб,

нанесенный собственнику преступлением, возмещается государством по решению суда. Понесенные при этом государством расходы взыскиваются с виновного в судебном порядке в соответствии с законодательством РСФСР». Причем, ст.30 Закона «О собственности в РСФСР» начала действовать с 1 июля 1991 года.

Казалось бы, законодатель России, наконец, отреагировал на острейшую потребность восстановления законных имущественных интересов потерпевших от преступлений. Однако, эта попытка оказалась негодной. С опубликованием этого закона в суды стали поступать иски граждан к государству (как правило в лице его финансовых органов) о взыскании в их пользу материального ущерба, причиненного преступлениями и не возмещенного в ходе предварительного расследования. В судах принимались противоречивые решения. В конечном счете, после невыполнения распоряжения Президента России соответствующим ведомствам о подготовке Положения о порядке возмещения государством ущерба, нанесенного собственнику преступлением, закон «О собственности в РСФСР» был в этой части приостановлен, а затем вовсе отменен [11 с. 131–136].

Мы солидарны с профессором Л. М. Володиной, заявившей, что в этой сфере «главная проблема заключается как раз в том, что законодатель не создал сколько-нибудь действенный и эффективный механизм защиты прав и законных интересов потерпевших от преступления, восстановления их прав, **полного возмещения** (выделено нами - В.А.) причиненного им вреда. В действительности реальные возможности потерпевшего защитить свои права в соответствии с нормами действующего уголовно-процессуального законодательства ничтожны. Предоставляя потерпевшему право на возмещение причиненного вреда, законодатель, по сути, не регламентирует эту процедуру, отсылая к гражданскому судопроизводству» [12, с. 58–58].

Таким образом, положительно оценивая помещение в ранг приоритетных

задач защиты потерпевших от преступлений (п.1 ч.1 ст.6 УПК РФ) и констатируя, мягко говоря, несовершенство механизмов ее реализации, мы переходим к анализу остальных задач уголовного судопроизводства. Они изложены в ст.6 УПК РФ, совершенно неудачно названной «Назначение уголовного судопроизводства».

Для начала обратимся к ее аналогу из УПК РСФСР, где ст.2 была озаглавлена: «Задачи уголовного судопроизводства». Здесь уместно согласиться с профессором Л.В. Головкин, оценившим ее содержание, как «достаточно точное определение задач уголовного процесса» [13, с. 54].

Действительно, в ч.1 названной статьи было сказано, что задачами уголовного судопроизводства «являются быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и не один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден». Данная формулировка представляется адекватной потребностям практики борьбы с уголовной преступностью.

Оценивая же содержание ст.6 УПК РФ, профессор Ю. К. Орлов справедливо отмечает, что «действующий УПК не выдерживает никакого сравнения с прежним, в котором цели были определены гораздо более полно и в целом (если отвлечься от социалистической идеологии) грамотно (ст.2 УПК РСФСР)», и, что «совершенно непонятно, зачем нужно было уродовать важное и принципиальное положение, определяющее суть уголовного процесса». Авторитетный ученый считал, что «такое куцее определение задач уголовного процесса совершенно не согласуется с реальным положением вещей» [14, с. 11].

Многие авторитетные процессуалисты критически оценили «подачу» задач уголовного судопроизводства в ст.6 УПК РФ, да еще под совершенно надуманным названием, породившим терминологическую путаницу и ненужные дискуссии [15, с. 37–41; 16, с.

232; 17, с. 55–56].

Простое сравнение ст.6 УПК РФ и ст.2 УПК РСФСР, посвященных задачам уголовного процесса, показывает ущербность современной их постановки. Более того, сегодняшнее понимание перечня и содержания задач искажает истинные цели уголовной юстиции, на что указывают наши коллеги - известные российские криминологи [18, с. 24–27].

В частности, формально перестала быть задачей деятельность соответствующих органов по «быстрому и полному раскрытию преступлений», хотя эту «святую» обязанность на практике никто не снимал со следователя, дознавателя, органа дознания, прокурора. Мало того, они продолжают раскрывать преступления, понимая, что иначе будут тщетными их усилия по осуществлению уголовного преследования лиц, совершивших преступления. А именно этого требует от названных субъектов ст.21 УПК РФ. А кроме этого, в ч. 2 названной статьи прямо сказано о необходимости в каждом случае обнаружения признаков преступления принимать предусмотренные УПК РФ меры по установлению события преступления, изобличению лиц, виновных в его совершении. Да, но ведь именно эта деятельность как раз и приводит к раскрытию конкретного преступления, что совершенно очевидно на уровне здравого смысла.

И тем не менее, в статье 6 УПК РФ отсутствуют прямые указания (как это было, например, в ст. 2 УПК РСФСР) на обязанность властных субъектов уголовного процесса раскрывать преступления, хотя в официальном проекте УПК РФ, обсужденном в первом чтении и одобренном Государственной Думой РФ в июне 1997 г. об этом имелась четкая формулировка. На это можно услышать выражения - мол, вторая часть ст.6 УПК РФ все же упоминает об уголовном преследовании и назначении виновным справедливого наказания... Действительно, лишь «упоминает», отодвигая наиболее злободневную задачу всей системы уголовной юстиции (способной, при ее выполнении, **обеспечить неотвратимость**

наказания за преступление, что крайне важно) на второй план. А для ретуширования этого «сознательного пробела» данное положение искусственно увязывается с явно несоразмерной ему задачей отказа от уголовного преследования невиновных, освобождения их от наказания, реабилитации каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию.

Нисколько не преуменьшая значение реабилитации невиновных и собственно недопущения привлечения их к уголовной ответственности, посмотрим на данную проблему с точки зрения статистики: с одной стороны - миллионы нераскрытых преступлений, а значит - неизобличенных преступников, неудовлетворенных, разоренных и оскорбленных потерпевших, с другой - десятки реабилитированных.

Не нашли своего места в системе современных задач уголовного процесса и «укрепление законности и правопорядка, предупреждение преступлений, воспитание граждан в духе соблюдения законов, охрана интересов общества», что было прямо прописано в ч. 2 ст. 2 УПК РСФСР.

Профессор М. Л. Володина, сетуя по этому поводу, отмечает: «трудно объяснить непоследовательность позиции законодателя и понять его молчаливый отказ от закрепления в норме о назначении уголовного судопроизводства требования защиты интересов общества... государство обязано защищать от преступных посягательств и отдельную личность и общество в целом. Нельзя забывать, что уголовно-процессуальное право - отрасль публичного права, что уголовное судопроизводство - один из инструментов государственной власти. Формулируя назначение уголовного судопроизводства, законодатель должен был четко отразить необходимость защиты интересов общества и государства [12, с. 60].

Очень точное и правильное по существу суждение. Однако, в отличие от уважаемой профессора М. Л. Володиной, мы не испытываем «трудностей» в понимании и объяснении позиций законодателя и причин его «молчаливого отказа» от закрепления в ст.6 УПК РФ

вышеперечисленных насущных (и - фактически выполняемых!) задач уголовного судопроизводства. Все дело в том, что сознательное искажение системы целеполагания в сфере уголовной юстиции было запрограммировано Концепцией судебной реформы. В этом документе, пожалуй, впервые на официальном уровне прозвучало требование об упразднении задачи раскрытия преступлений, как якобы порождающей подтасовку сотрудниками правоохранительных органов отчетных данных о своей работе. Факты подтасовки, фальсификации данных статистической отчетности действительно существуют, но происходит это отнюдь не по причине наличия в законе требования раскрывать преступления, изобличать и привлекать к уголовной ответственности лиц, виновных в их совершении, а скорее - от того, что руководители отдельных правоохранительных ведомств своими приказами возвели пресловутый «процент раскрываемости преступлений» чуть ли не в главный критерий оценки деятельности своих подчиненных, что, естественно, стимулирует самых нерадивых из них к известному «лукавству» и очковитирательству. Но, вряд ли эта ситуация способна породить серьезные аргументы за изъятие раскрытия преступлений из перечня современных задач уголовного судопроизводства, истоки же этого негодного решения находятся в Концепции судебной реформы в Российской Федерации.

Вместо того, чтобы сориентировать органы уголовного преследования на активную борьбу с преступностью, авторы Концепции судебной реформы предлагают в качестве цели уголовной юстиции «защиту общества от преступлений путем реализации уголовного закона, защиты прав и законных интересов граждан, попавших в сферу юстиции». В такой интерпретации эта цель может быть поставлена перед судом, не являющимся органом уголовного преследования и стоящим над сторонами обвинения и защиты. Однако, будучи возведенной в ранг цели всего уголовного процесса, она размывает ориентиры для деятельности

органов предварительного расследования и прокурора. То есть, в таком смысловом значении, в УПК РФ цель заменяется «фоном», на котором деятельность должна осуществляться. Поэтому, несмотря на очевидную самоценность этих задач, их нельзя рассматривать как стержневые для уголовного судопроизводства, в том числе еще и потому, что они не сориентированы на главный результат: раскрытие преступлений, изобличение и привлечение к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления [10, с. 9–11].

Подводя итоги наших размышлений об идеологии в стране и в уголовном судопроизводстве, обратим внимание читателя на оценки, предложенные в великолепной монографии А. А. Давлетова и Н. В. Азарёнка: «в основе многовекового развития разных форм уголовного производства лежит национальный код того или иного народа в виде объективно-исторически сложившегося менталитета нации, качественное изменение которого возможно лишь при коренной ломке таких базовых характеристик жизнедеятельности народонаселения, как мировоззрение, религия, мораль, традиции, историческая память и т.д. Правовая система общества, будучи производной от данной основы, может и должна развиваться естественным путем (эволюционно) в рамках сложившейся исторической формы. Попытки искусственного внедрения в существующие механизмы чуждых элементов неизбежно влекут нарушения устоявшейся системы и в итоге отторгаются как неприемлемые [20, с. 59–60].

4. Заключение

В завершение приведенных нами соображений представим читателю несколько выводов.

Во-первых, возвращению методологических основ отечественного уголовного процесса в лоно традиционной, сформировавшейся исторически идеологии мешает формальное отсутствие государственной идеологии. Запрет на ее существование в ст.13 Конституции РФ придуман западноориентированными, антипатриотичными представителями

российской элиты, господствовавшими на политическом небосклоне страны в 1990х годах.

Во-вторых, сегодня, после принятия поправок Основного закона, на высшем уровне утвердивших в России традиционные духовные, культурные и нравственные ценности, составляющие стержень русской и российской идеологии, содержащийся в ст.13 Конституции РФ запрет фактически дезавуирован. Это, кстати, однозначно подтверждает и содержание упомянутого нами Указа Президента Российской Федерации В. В. Путина.

Формальная отмена этого запрета - дело времени, но, для ее реализации политическому руководству страны надлежит четко и конкретно определиться с тем, в каком государстве мы живем, и какие перед страной стоят цели, а затем - публично озвучить свои оценки и выводы.

В-третьих, остро необходимо привести содержание УПК РФ, в первую очередь - его общую часть, отражающую концептуальные положения, в соответствие с идеологией, исторически сложившейся на основе евразийского генотипа российской нации, в основе которого - правда, истина и справедливость.

Список литературы

1. *Бабурин С. Н.* О социальных ценностях: влияние римского права на российский конституционализм // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2020. – Т. 17, № 1. – С. 6–14. – DOI: [10.24147/1990-5173.2020.17\(1\).5-14](https://doi.org/10.24147/1990-5173.2020.17(1).5-14).
2. *Александров А. И.* Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы / Под ред. В. З. Лукашевича. – СПб. : Изд-во С.-Петерб.гос.ун-та, 2003. – 562 с.
3. *Овчинников А. И.* Понятие государственной идеологии и ее функции в современном государстве // Философия права. – 2012. – № 2. – С. 84–89.
4. *Халиков А. Н.* Философия права: учебник. – М. : РИОР: Инфра-М, 2017. – 602 с.
5. Концепция судебной реформы в Российской Федерации. – М. : Республика, 1992. – 111 с.
6. *Азаров В. А.* Идеологические основы современного уголовного процесса России // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе: сборник материалов международной научной конференции (16-17 февраля 2006 г.): в 2 ч. / Сибирский юридический институт МВД России: отв. ред. С. Д. Назаров. – Красноярск. – 2006. – Часть 2. – С. 92–99.
7. *Азаров В. А.* Уголовно-процессуальная идеология и одноименная фразеология // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2006. – № 3. – С. 4–8.
8. *Азаров В. А.* Все ли «новации» вписываются в российские уголовно-процессуальные традиции? // Университетские правовые диалоги: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора, доктора юридических наук, Заслуженного деятеля Высшей школы Юрия Даниловича Лившица. 29-30 марта 2019 г. / Под ред. С. М. Даровских, Г. С. Русман. – Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2019. – С. 9–16.
9. *Томин В. Т.* «Права и свободы человека» - большой блеф XX века (Уголовный процесс России: аспекты взаимодействия с международным правом) // Вестник ННГУ им. Н. И. Лобачевского. Проблемы теории и истории российского государства и права. – Н.Новгород : Изд. ННГУ, 1996. – С.54-60.
10. *Смирнова И. Г.* Социальная ценность уголовного судопроизводства: монография. – М. : Юрлитинформ, 2011. – 340 с.
11. *Азаров В. А.* Проблемы теории и практики охраны имущественных интересов личности в уголовном судопроизводстве: монография. – Омск : Высшая школа милиции МВД России, 1995. – 188 с.
12. *Володина Л. М.* Назначение уголовного судопроизводства и проблемы его реализации: монография. – М. : Юрлитинформ, 2018. – 296 с.
13. *Головко Л. В.* Задачи и назначение уголовного процесса. В кн.: Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н., проф. Л. В. Головко. – М. : Статут, 2016. – С. 53–55.
14. *Орлов Ю. К.* Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. – М. : Юристъ, 2009. – 174 с.
15. *Бойков А. Д.* Новый УПК Российской Федерации, его правовая и криминологическая характеристика // Государство и право. – 2002. – № 9. – С. 37–41.
16. *Головко Л. В.* Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. – СПб. : Юридический центр «Пресс», 2002. – 544 с.
17. *Тарнавский О. А.* Роль государства и его органов по защите имущественных прав граждан в

уголовном судопроизводстве // Вестник ОГУ. – 2004. – № 3. – С. 55–56.

18. Алексеев А. И., Овчинский В. С., Побегайло Э. Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. – М.: Норма, 2006. – 144 с.

19. Азаров В. А. Назначение российского уголовного процесса // Проблемы применения нового уголовно-процессуального законодательства в досудебном производстве: Материалы научно-практической конференции. Часть 1. – Барнаул: БЮИ МВД России, 2002. – С. 6–13.

20. Давлетов А. А., Азаренок Н. В. Уголовный процесс России: исторические корни, современное состояние, перспективы эволюционного развития: монография. – Екатеринбург: УрГЮУ, 2023. – 504 с.

References

1. Baburin S.N. On Social Value: Influence of the Roman Right on Russian Constitutionalism. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" = Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2020, vol. 17, no. 1, pp. 5-14. DOI: 10.24147/1990- 5173.2020.17(1).5-14. (In Russ.).

2. Aleksandrov A.I. Criminal policy and criminal procedure in Russian statehood: history, modernity, prospects, problems / Ed. V.Z. Lukashovich. St. Petersburg: Publishing house S. - Petersburg State University, 2003. 562 p.

3. Ovchinnikov A.I. The concept of state ideology and its functions in the modern state. *Filosofija prava = Philosophy of Law*. 2012. no. 2. pp. 84-89.

4. Halikov A.N. Philosophy of law: textbook. M., RIOR: Infra-M, 2017. 602 p.

5. The concept of judicial reform in the Russian Federation. M.: Republic, 1992. 111 p.

6. Azarov V.A. Ideological foundations of the modern criminal process in Russia // Current problems of combating crime in the Siberian region: collection of materials from the international scientific conference (16-17 February 2006): in 2 hours / Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia: resp. ed. S.D. Nazarov. Krasnoyarsk. 2006. Part 2. pp. 92-99.

7. Azarov V.A. Criminal procedural ideology and phraseology of the same name. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Orenburg State University*. 2006. no. 3. pp. 4-8.

8. Azarov V.A. Do all "innovations" fit into Russian criminal procedural traditions? // University legal dialogues: materials of the International scientific and practical conference dedicated to the 90th anniversary of the birth of professor, Doctor of Law, Honored Worker of Higher School Yuri Danilovich Livshits. March 29-30, 2019 / Ed. CM. Darovskikh, G.S. Rusman. Chelyabinsk: SUSU Publishing Center, 2019. pp. 9-16.

9. Tomin V.T. "Human rights and freedoms" - a big bluff of the 20th century (Criminal proceedings in Russia: aspects of interaction with international law). *Vestnik NNGU im. N.I. Lobachevskogo. Problemy teorii i istorii rossijskogo gosudarstva i prava = Bulletin of the UNN named after. N.I. Lobachevsky. Problems of theory and history of the Russian state and law*. N. Novgorod. Ed. UNN, 1996. pp. 54-60.

10. Smirnova I.G. Social value of criminal proceedings: monograph. M.: Yurlitinform, 2011. 340 p.

11. Azarov V.A. Problems of theory and practice of protecting personal property interests in criminal proceedings: monograph. Omsk: Higher School of Police of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1995. 188 p.

12. Volodina L.M. Purpose of criminal proceedings and problems of its implementation: monograph. M.: Yurlitinform, 2018. 296 p.

13. Golovko L.V. Objectives and purpose of the criminal process. In the book: course of criminal procedure / Edited by Doctor of Law, Prof. L.V. Golovko. M.: Statute, 2016. pp. 53-55.

14. Orlov Yu.K. Problems of the theory of evidence in criminal proceedings. M.: Yurist, 2009. 174 p.

15. Boykov A.D. New Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, its legal and criminological characteristics. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*. 2002. no. 9. pp. 37-41.

16. Golovko L.V. Alternatives to criminal prosecution in modern law. St. Petersburg: Legal Center "Press", 2002. 544 p.

17. Tarnavsky O.A. The role of the state and its bodies in protecting the property rights of citizens in criminal proceedings. *Vestnik OGU = Bulletin of OSU*. 2004. № 3. pp. 55-56.

18. Alekseev A.I., Ovchinsky V.S., Pobegailo E.F. Russian criminal policy: overcoming the crisis. M.: Norma, 2006. 144 p.

19. Azarov V.A. Purpose of the Russian criminal process // Problems of application of the new criminal procedural legislation in pre-trial proceedings: Materials of a scientific-practical conference. Part 1. Barnaul: Bureau of Justice of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2002. pp. 6-13.

20. Davletov A.A., Azarenok N.V.: Criminal process in Russia: historical roots, current state, prospects for evolutionary development: monograph. Ekaterinburg: UrGUU, 2023. 504 p.

Информация об авторах / Information about authors

Азаров Владимир Александрович – Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского

Адрес для корреспонденции: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: kafprokrim@mail.ru

SPIN-код: 1073-2621, Author ID: 709162

Azarov Vladimir – Honored Lawyer of the Russian Federation, Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Professor,
Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics Dostoevsky Omsk State University

Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

E-mail: kafprokrim@mail.ru

SPIN-code: 1073-2621, Author ID: 709162